

AUSTRALIAN RUSSIAN LANGUAGE ALMANAC

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

МОЯ АВСТРАЛИЯ

1
НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ
1998

Елена ГОВОР

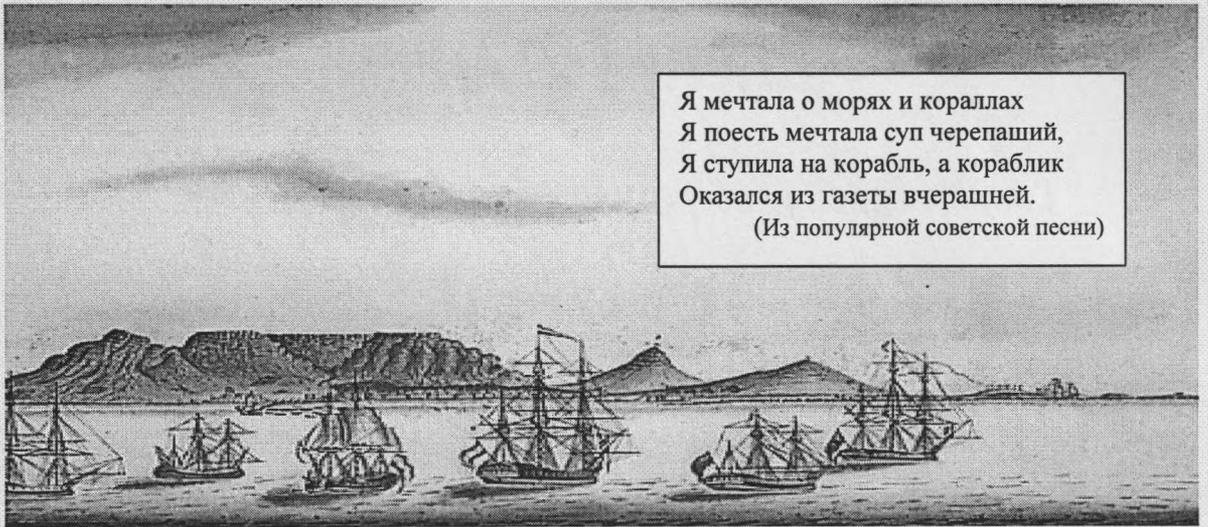
"Таинственной невстречи пустыни торжества..."

ИЛИ

Русский путь в Австралию

Елена Говор родилась в Минске. С 1983г. жила в Москве, работала в отделе Австралии и Океании Института востоковедения АН СССР. В 1990г. приехала в Австралию, где в Австралийском национальном университете подготовила и защитила докторскую диссертацию «Russian Perceptions of Australia 1770-1919». В настоящее время живет в Канберре. Автор книг «Библиография Австралии (1710-1983)», М., 1985; «Российские моряки и путешественники в Австралии», М., 1993 (в соавторстве с А. Я. Массовым); «Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions, 1770-1919», Melbourne, 1997, и многочисленных статей об истории русско-австралийских связей. С 1994г. регулярно печатается в журнале «Австралиада» (Сидней).

Я мечтала о морях и кораллах
Я поесть мечтала суп черепаший,
Я ступила на корабль, а кораблик
Оказался из газеты вчерашней.
(Из популярной советской песни)

Чем дальше от меня уходят годы жизни в России, чем больше реальная Австралия, в которой я теперь живу, заслоняет ту «русскую Австралию», какой она мне виделась издалека, тем больше мне хочется понять, чем же была для нас Австралия, когда мы жили в России, какое место занимала и занимает она в русской душе, и где пролегал русский путь к ней, путь длиной почти в два века. Ведь сколь ни уникальным нам кажется наш собственный путь к Австралии, рано или поздно мы осознаем, что мы не первые и не последние идем по нему, что мы лишь звено в длинной цепи русского очарования этой страной или разочарования в ней. Обо всем многообразии этого пути я и рассказываю в своей книге «Австралия в русском зеркале». О Австралии в России писали много. Только до революции было около 700 публикаций. Какой же виделась Австралия журналисту из окна петербургской квартиры, моряку с борта корабля, путешественнику на улицах Сиднея или в буше, чернорабочему под палящими лучами австралийского солнца? Что привлекало русских в этой стране, как складывалась здесь судьба русской эмиграции, какой вклад внесли русские в изучение Австралии? Как русские политические деятели - от либералов до большевиков - использовали австралийский опыт в своей политической борьбе? Об этом и о многом другом я рассказываю не только в книге, но и в своих статьях в «Австралиаде», надеюсь что мои наблюдения заинтересуют и читателей журнала «Моя Австралия».

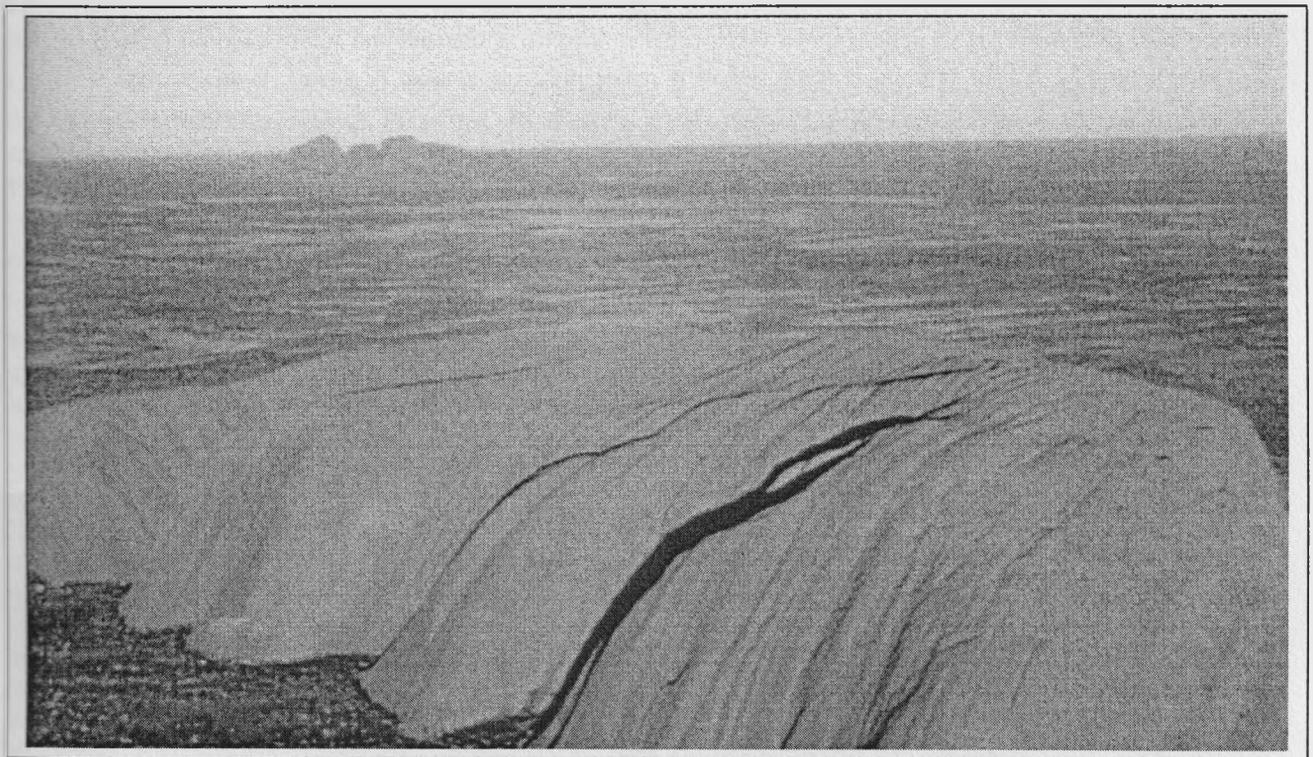
Однако в этой статье речь пойдет о другом - об уникальном свойстве русских, которое я называю их «невстречей» с Австралией. На протяжении всего девятнадцатого века русская эмиграция в Австралию была очень редким явлением. По моей оценке русские составляли всего несколько процентов от других выходцев из Российской империи - евреев, поляков, финнов,- которые, вопреки расстоянию, добирались до австралийских берегов. Возможно это объясняется тем, что для большинства русских Австралия всегда была воплощением не просто далекой земли, но земли на грани реальности, или даже за пределами реальности. Не случайно поэтому, что существенную часть истории русской эмиграции в Австралию составляет тема «невстречи» с ней, будь то реальная невозможность добраться до Австралии или, что не менее трагично, осознание, что той Австралии, куда ты стремился, нет; осознание это может придти и в России, и уже в самой Австралии. Ведь ахматовская «невстреча» («Шиповник цветет») это не просто не состоявшаяся встреча, а особое состояние, приобретающее свою собственную, духовную, реальность. Близко к этому и гриновское «Несбывшееся». Герой его «Бегущей по волнам» рассказывает: «я утолял жажду движения [...] прогулками в гавань, где под тенью огромных корм, нависших над набережной, рассматривал волнующие слова, знаки Несбывшегося: "Сидней", - "Лондон", "Амстердам", - "Тулон"... Я был или мог быть в городах этих, но имена гаваней означали для меня другой "Тулон" и вовсе не тот "Сидней", какие существовали действительно; надписи золотых букв хранили неоткрытую истину». Моя собственная мечта попасть в Австралию, завладевшая мною, когда мне было лет тринадцать и я жила в Минске, не отпускала меня долгие годы именно потому, что я с самого начала знала, что обречена на невстречу с ней.

Это состояние русской невстречи с Австралией, культивируемое русскими на протяжении двух веков, пронзительно передала Новелла Матвеева в стихотворении «Страна Дельфиния»:

Copyright © Елена Говор. 1998. Перепечатка или воспроизведение статьи в любой форме запрещается без письменного согласия автора (E-mail:<elenagovor@hotmail.com>).

<p>Набегают волны -Синие... -Зеленые! -Нет, синие! Как хамелеонов Миллионы, Цвет меняя На ветру... Ласково цветёт Глициния; Она нежнее Инея... А где-то есть земля Дельфиния И город Кенгуру.</p> <p>- Это далеко! -Ну, что же! Я туда уеду Тоже... Ах, ты Боже, Ты мой Боже, Что там будет Без меня! Пальмы без меня Засохнут, Розы без меня Заглохнут,</p>	<p>Птицы без меня Замолкнут... Вот что будет Без меня!</p> <p>Да, но без меня - В который раз! - Отплыло судно «Дикобраз», Как же я подобную Беду Из памяти Сотру?</p> <p>А вчера пришло, Пришло, Пришло Ко мне письмо, Письмо, Письмо Со штемпелем моей Дельфинии, Со штампом Кенгуру. Белые конверты С почты Рвутся, как магнолий Почки, Пахнут, как жасмин...</p>	<p>Но вот что Пишет мне моя родня: Пальмы без меня Не сохнут, Розы без меня Не глохнут, Птицы без меня Не молкнут... Как же это... без меня!</p> <p>Набегают волны -Синие... -Зелёные? -Нет, синие! Набегают слезы Горькие; Смахну, Стряхну, Сотру...</p> <p>Ласково цветёт Глициния; Она нежнее Инея... А где-то есть земля Дельфиния И город Кенгуру...</p>
--	--	---

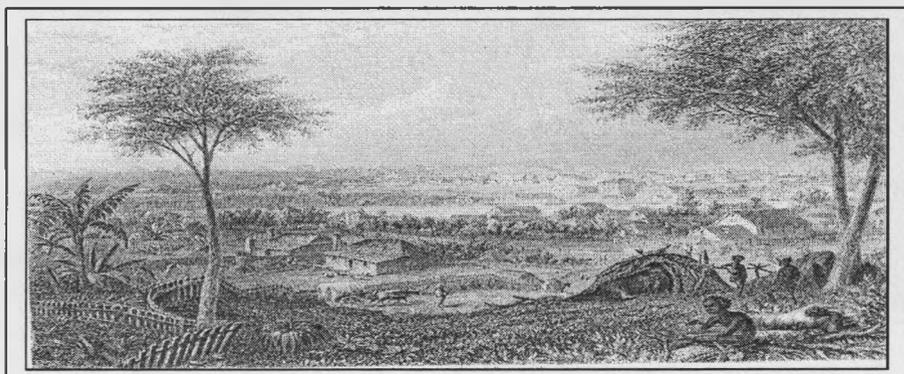
Это стихотворение-песня зазвучало в России в 1960-х годах. Австралия здесь даже не названа по имени, она нарочито условна, но это не просто самоцензура, русская Австралия того времени и была именно такой - средоточием далекой, неизвестной, недостижимой земли, которой мы - не нужны, да которая и существует только в наших мечтах. Стихотворение Редьярда Киплинга «На далекой Амазонке» походит на «Дельфинию» только внешне, его «солнечная Бразилия» с длиннохвостыми ягуарами и броненосными черепаками вполне реальна и путь туда проложен:

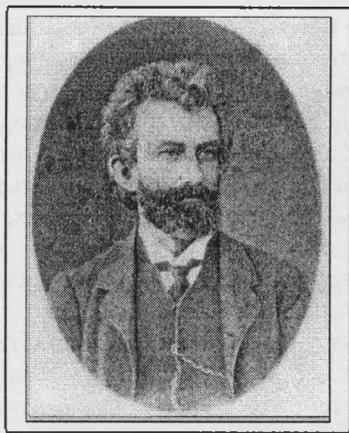
Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
(перевод С.Я.Маршака)

Кстати, не случайно, что для героя Киплинга символом далекой земли служит экзотическая Бразилия, а не Австралия - английская провинция. Та же тема невстречи с Австралией звучит и в повести Рувима Фраермана «Дикая собака динго, или Повесть о первой любви», написанной в 1939 году. В ней и нет ничего об Австралии. Героиня повести Таня, девочка из сибирской глубинки, всего-навсего смеет мечтать о земле, где живет эта самая динго. Но для нас, детей, даже этого было достаточно, это был пароль, обещание того, что где-то есть другой мир; это было и своеобразное противоядие против нудной пропаганды о пионерах-героях.

Австралия влекла к себе не только романтически настроенных интеллигентов и детей. Михайлов, герой романа Александра Хургина «Страна Австралия», опустившийся рабочий, переживает ту же невстречу с Австралией, хоть и выраженную другим языком: «И с тех пор не было у Михайлова никаких посторонних желаний. Он хотел иногда только есть и пить и больше, и чаще всего хотел спать. А сверх этого совсем ничего не хотел. Ну или, может быть, почти совсем ничего. Потому что одно пламенное и заветное желание у него все-таки в запасе было. И сидело оно, это желание, где-то глубоко в Михайлове, в его недрах, и вспоминал он о нем, о своем неизъяснимом желании, в редких и крайних случаях, хотя и постоянно. А желание это было такого характера - Михайлов желал как-нибудь очутиться в стране Австралии, чтоб, значит, при помощи этого забыть и стереть из памяти свою жизнь, и свою жену, и вьетнамца, и ту работу, которую он делал много лет из года в год и которую не любил ни одного дня, а потом и боялся ее и ее неоправданных и непоправимых последствий. А почему ему взбрела в голову именно Австралия, так он и сам думал - почему? Просто, наверно, далеко она размещалась, эта страна Австралия, и Михайлов совсем ничего про нее не знал, кроме красивого названия, которое запомнил навсегда из пройденного курса средней школы. А больше про Австралию он ничего не знал и, наверно, потому туда и стремился всей душой и телом подсознательно. А может, и не туда он мечтал и надеялся попасть, а хотел исчезнуть отсюда, чтоб, значит, не быть тут больше никогда.» Роман был опубликован в 1993 году, к тому времени Австралию можно было называть Австралией, но, как видим, сути русского отношения к ней это не меняло, она оставалась страной за пределами досягаемости и самой реальности.

В рассказе Татьяны Толстой «Сомнамбула в тумане» это отношение принимает гротескную форму. У героя рассказа Денисова, московского интеллигента застойных времен из Орехово-Борисово, ощущение бессмысленности окружающей его жизни воплощается в маниакальной идее о том, что Австралии просто не может быть в действительности. И наконец «вид безмятежно существующей Австралии вызвал у него ярость. Вот тебе! Он дернул карту и вырвал пятую часть света вместе с Новой Зеландией.»

Николай Миклухо-Маклай

Все эти образы русской Австралии созданы из ничего, на пустом месте, но от этого они не утрачивают своей значимости, и, как это ни парадоксально, та Австралия, которую создают они, обладает не меньшим притяжением, чем та, что возникает на основе детальной информации. Это как безответная любовь, или любовь к кому-нибудь из другой эпохи - проза реальной жизни над ней не властна.

Но вернемся к тому времени, когда русская невестрача с Австралией только начинала обретать свою форму. Одним из первых ее заметил Александр Герцен. В «Былом и думах» он рассказал историю некоего русского офицера Стремоухова, бежавшего из России в Европу в конце 1840-х годов. Видя, как он постепенно все больше нищает и опускается, русская колония в Лондоне собрала для него деньги и вещи и решила отправить его в Австралию, где недавно открыли золото. «Ему дали в Мельбурн рекомендацию и поручили капитану его самого и, главное, деньги за проезд». Прощаясь, Стремоухов со слезами на глазах говорил: «Как хотите, господа, а ехать в такую даль не легкая вещь. Вдруг разорваться со всеми привычками, но это надобно...» Но верил ли он сам, что корабль сможет доставить его по ту сторону реального мира, что ему дано преодолеть невестрачу? Не удивительно, что спустя несколько месяцев он обнаружился не «на берегах Виктории-ривер», а в лондонском кабаке, откуда угодили в тюрьму за буянство и воровство. Русские евреи, напротив, уже в начале 1850-х годов успешно осваивали золотые прииски Австралии. Русский политический иммигрант в Англии писал об отношении к Австралии русских солдат, захваченных в плен во время Крымской войны: «Я надеюсь, друзья мои, - сказал я им, - что вам не придется больше быть под гнетом против вашей воли. Есть план послать вас в Австралию, если вы захотите; там вы будете свободны как никогда прежде». Надо признать, однако, что этот план совсем не понравился моим слушателям и многие просто не поняли, о чем я говорю. «Что мы будем делать, - сказал мне один, самый развитый среди них, - что мы будем делать в этой странной и далекой стране, мы, непривычные ни к какой мирной работе?» Так и не довелось им удостоиться чести стать первыми русскими политическими беженцами в Австралии.

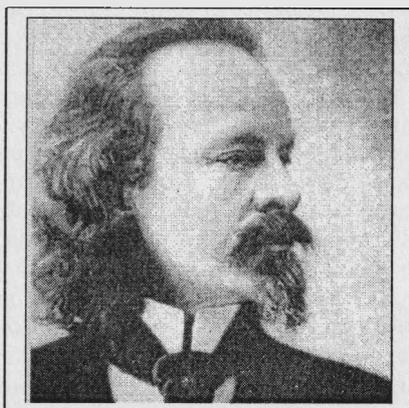
Но даже физическая встреча русских с Австралией часто оказывалась бессильной преодолеть рок невестрачи. Когда русские бежали с военных кораблей, заходивших в австралийские порты на протяжении всего девятнадцатого века, они тоже чаще всего терпели фиаско. Матросы «Крейсера», взбунтовавшиеся во время захода на Тасманию в 1823 году, уже готовы были не возвращаться на корабль, соединив свои силы с местными беглыми ссыльными, но, услышав предостережения Дмитрия Завалишина о том, что их новые друзья их неминуемо ограбят и бросят на произвол судьбы, безропотно обменяли бушрейнджерскую свободу на корабельные унижения. Не вернулся лишь один, Станислав Станкевич, да и тот белорусско-польского происхождения. В 1871г. трое матросов с «Гайдамака» бежали с корабля под влиянием рассказов агентов с золотых приисков, но, не зная дороги, тут же попали в руки полиции. В 1882г. буфетчик и матрос с «Африки», ограбив офицера, дезертировали с корабля в Мельбурне и отправились в Сидней на поезде. Однако вместо Сиднея они попали в Сейл, к юго-востоку от Мельбурна, где их и арестовала полиция. Представления русских об Австралии во второй половине 19 века все больше наполняются реальным содержанием, но все-таки образ экзотической земли, затерянной в просторах Тихого океана, для большинства остается более притягательным, чем образ страны - форпоста западной цивилизации и демократии. Особенности этого русского видения сказались в плане «Русской колонии в Австралии», как называли его русские газеты. Наш знаменитый соотечественник Н.Н.Миклухо-Маклай в 1886г. опубликовал в газетах краткое объявление, приглашающее желающих отправиться с ним в Тихий океан и основать па каком-либо незанятом европейцами острове поселение русских, разделяющих его гуманные идеи защиты туземцев от вторжения колонизаторов. К концу 1886г. количество желающих переселиться превысило две тысячи. Миклухо-Маклай уверял, что будущие колонисты это состоятельные люди, занимавшие видное положение в обществе, - дворяне, армейские офицеры,

инженеры, студенты, медики. Петербургский корреспондент «Сидней морнинг хералд» саркастически комментировал в своем репортаже, что потенциальные колонисты были не способны к физическому труду и не владели никаким ремеслом; большинство из них были «дворяне, потерявшие состояние, литераторы, не имевшие успеха, врачи, у которых не было пациентов». И все-таки это была не «республика для элиты», как писала о ней Е. Вебстер в книге «Человек с Луны», или сброд авантюристов, как утверждали некоторые русские газеты. Последователи Миклухо-Маклая были демократы-романтики русской складки. Их привлекали демократические принципы, на которых должна была основываться колония, и в то же время влекло ее местоположение - где-то на необитаемых островах в Южных морях, около Австралии. Точная география, как кажется, их совсем не волновала. Не удивительно, что в то время как наиболее вероятным местом колонии должен был стать Берег Маклая на северо-востоке Новой Гвинеи или прибрежные острова, газеты обсуждали проект под заголовками «Русская колонизация в Австралии».

То, что колония предполагалась где-то в Австралии, увеличивало ее популярность. Один из сторонников Миклухо-Маклая, профессор В.И. Модестов, объяснял неожиданный энтузиазм многочисленных русских отправиться на острова Тихого океана тем, что в России «непечатый край» отважных, образованных людей, недовольных «своим положением в отечестве», что есть в ней «немало сил, ищущих себе не рутинного приложения, немало людей, рвущихся к новой жизни», к свободе. Да, уж если начинать новую жизнь, так на самом краю земли, в сказочно свободной изобильной стране. Миклухо-Маклай и сам поддерживал эти настроения, уверяя потенциальных колонистов: «Всякая трудящаяся рука будет иметь не только достаточную, но и изобильную пищу. Помимо земледелия и богатой рыбной ловли, одна полчасовая охота дает достаточное на сутки пропитание. Во всяком случае найдется применение и свободному капиталу, и ремеслу, и простой рабочей силе, была бы лишь охота работать и вести порядочную жизнь». Те же мысли, но еще откровеннее, выразил крестьянин Новгородской губернии И.А.Киселев, который писал Миклухо-Маклаю еще в 1882г.: «Для бедных, но честных и мыслящих тружеников, желающих устроить свою жизнь на новых началах, без золотого кумира, самое лучшее средство - это переселение хотя бы на необитаемые, но производительные острова Океании, где бы, прилагая тот же труд, что и в пресловутой Европе, возможно было сыто, приятно и независимо существовать [...] не убиваясь много о завтрашнем дне».

Это была истинно русская Утопия - мечта о сказочной заморской стране, куда можно перенестись по мановению руки сказочного же героя, в данном случае Миклухо-Маклая. Но сказок в реальной жизни не бывает, и план Миклухо-Маклая, не поддержанный правительством, развеялся как дым, а его многочисленные сторонники так никогда и не добрались до Южных морей, да и не пытались этого сделать. Состояние невстречи, которая будто бы таит в себе встречу, но в то же время и неопасна, так как заведомо никогда не состоится, их вполне устраивало. А в это время англичане, немцы, французы и американцы без громких слов делили между собой благодатные океанийские острова...

Николай Бальмонт

Впрочем, один русский, попытавшийся воплотить подобный план в жизнь, все-таки был - Павел Бахметев, которого можно назвать духовным «отцом» Миклухо-Маклая и его последователей. Это реальное лицо, прототип революционера Рахметова из романа Чернышевского «Что делать?» (1863). Чернышевский, кстати, оказал большое влияние на формирование юношеских идеалов Миклухо-Маклая. Состоятельный дворянин, Бахметев не смог осуществить свои революционные идеалы на практике ни в России, ни в Западной Европе. В конце концов он оставил свое состояние Герцену для революционных целей, а сам в 1857 г. отправился то ли на Маркизские острова, то ли в Новую Зеландию, чтобы создать там колонию-коммуну на новых социальных основаниях. Для него, как и для последователей Миклухо-Маклая, конечная география была не столь важна - главное провозгласить колонию подальше от России, лучше всего где-то в Южных морях. К сожалению, отправившись в Океанию, Бахметев исчез, и все попытки выяснить его судьбу оказались безуспешными. В конце девятнадцатого века тема русской колонии зазвучала и в художественной литературе. Н.Н.Соколов написал целый роман о неудачной попытке создать русскую колонию на Тихом океане во времена Екатерины Второй.

Но даже, когда русские добирались до берегов Австралии, их часто ждало разочарование - они не находили свою, вымечтанную, Австралию. В 1896г. София Витковская с детской обидой записывает свои первые впечатления: «Вот мы и видели Аделаиду и имеем право сказать, что побывали в Австралии. Что же? Особенного ничего, город как город и люди как люди, только растительность отчасти нова». Роберт Глан из Вильнюса в начале 1910-х годов пережил нечто подобное: «Я шагал по улицам Мельбурна и не видел Австралии». Работая на подхвате в гостинице в Килморе он не устал спрашивать себя: «Когда же, наконец, я увижу "настоящую Австралию"?... Лишь по вечерам я чувствовал, что нахожусь в Австралии, так как у меня над головой вместо обычных созвездий горел легендарный Южный Крест». «Настоящая Австралия», которую ожидали увидеть они, была экзотической Австралией, будь то тропики севера, или непроходимые заросли Гипсленда, или, в крайнем случае, австралийский буш, но отнюдь не городская цивилизация. Константин Бальмонт, побывавший здесь в 1912 г., особенно остро передал это разочарование в стихотворении «Черный лебедь»:

Голубеет эвкалипта стройный ствол,
Куст невиданной акации расцвел.

Там, где черные слагали стройный пляс,-
Одинокий белоликий волопас.

Только это все лишь малый уголок,—
Громче пенья птиц на фабрике гудок.

Там, где быстрая играла кенгуру,-
Овцы, овцы, поутру и ввечеру...

Нет Австралии тех детских наших дней,
Вся сгорела между дымов и огней.

И от улицы до улицы свисток,-
Вся и музыка у белого — гудок.

Рельсы врезались во взмахи желтых гор,
Скован, сцеплен, весь расчисленный, простор.

Обездолили весь край своей гурьбой.
Черный лебедь, песнь свою пропой.

Даже русские крестьяне, рабочие и политэмигранты, которые стали сотнями прибывать в Австралию с Дальнего Востока в 1910-1914 гг., не смогли переломить стереотип русской невестречи с ней. Многие из них были разочарованы, не найдя здесь той свободной Австралии, которую они ожидали увидеть, того рая для рабочих, слава о котором распространилась в России в начале двадцатого века. Более того, живя в Австралии, они продолжали чувствовать себя эмигрантами, а не иммигрантами, в отличие, например, от русских евреев, которые сразу принимали Австралию как новое отечество. Не случайно, что и первая русская организация, возникшая в 1911 г. в Брисбене, носила название Союз русских эмигрантов.

И наконец пришло время для новой невестречи, которой предстояло длиться долгие десятилетия. В годы кровопролитных событий Октябрьской революции и гражданской войны, когда старая Россия навсегда уходила в небытие, перед Иваном Буниным, как и перед многими русскими, образ Австралии возник как последняя, отчаянная мечта об убежище. Застраивший в Одессе, оккупированной «красными», он писал в «Окаянных днях»: «16 апреля [1919 года.] Тяжесть на душе несказанная. Толпа, наполняющая теперь улицы, невыносима физически, я устал от этой скотской толпы до изнеможения. Если бы отдохнуть, скрыться куда-нибудь, уехать, например, в Австралию! Но уже давно все пути, все дороги заказаны.»...

Суждено ли нам, россиянам, обогатить человеческую сокровищницу представлений об Австралии всего лишь опытом нашей уникальной невестречи с ней? Сумеет ли мы услышать ее зов сквозь шум городской жизни Москвы, Петербурга, Одессы, либо Бондая, Стратфилда, Сент-Килды? Сможем ли просто поверить, что для умеющих видеть она - есть? Ведь в конце-концов наша Австралия - в нас самих.

